

Дileммы выбора

Виталь Силицкий

Один из авторов ответов до гениального просто и коротко сформулировал, ради чего этот проект задумывался. По мнению экономиста и бизнесмена Павла Данейко, «надо кем-то быть!» Формулируя вопросы, авторы проекта явно подразумевали и ещё одну, непосредственно связанную с предыдущей, потребность: «Надо где-то быть!»

Почему при определении «кем быть?» мы всё время обращаемся и к другому вопросу – «где мы?»? Возможно, потому, что дело не только в чрезмерной политизации идентификационных проектов, которые теперь существуют или обсуждаются, но и в том, что на стадии нациостроительства и в тех политических, социальных, географических и geopolитических условиях, в которых существует Беларусь, такой политизации избежать невозможно. В любом случае та или иная форма определения самих себя как государства и как нации (либо отказ от такого определения) неизбежно приводит к перераспределению власти, статуса, влияния между теми или иными политическими, социальными и интеллектуальными акторами. В большой степени ответ на вопрос «где мы?» должен также помочь определить содержание национальной идентификации: какие моменты в собственной истории мы будем считать героическими, а какие – позорными; кого будем ставить в пример детям как героев, а кого характеризовать как предателей; что решим уважать, а чего сторониться и так далее. Можно спорить, требует ли белорусский национальный проект этих составляющих национальной мифологии. Однако очевидно, что их активно определяет

в известном направлении существующий сегодня в белорусском государстве политический режим. Очевидно и то, что он это делает в явно политических целях – ради как можно более долгого самосохранения. Можно считать, что Лукашенко бросил вызов. Нам остаётся либо ответить на него, либо принять то, что предлагается (или, скажет кто-то, навязывается).

Итак, совершенно естественно, что, определяя белорусов как нацию, мы стремимся отнести её к той или иной идее, обозначающей цивилизационный строй, такой как «Европа», «Россия», «славянское сообщество» либо что-то другое. Я умышленно говорю именно об идеях, хотя и Европу, и Россию, и славянский мир можно обозначить, проведя совершенно реальные географические или политические границы. (Хотя, скажем, с Европой, в отличие от Европейского Союза, это тоже сделать трудно: то, как мы проводим эту границу – то ли после Буга, то ли около Орши, то ли за Уралом, то ли даже захватывая Австралию с Новой Зеландией, – прежде всего характеризует наше представление Европы.) Но, определяя, «где мы», каждый из нас также апеллирует в первую очередь к «воображаемому», а не реальному сообществу, цивилизации и т. д. Приведу простой пример: представления и белорусской правящей элиты, и общества о России зачастую просто не соотносились с тем, какой Россия была и есть на самом деле. В значительной степени это и вызывало все те несуразицы, которые проявляются во время спектакля под названием «белорусско-российская интеграция». По этой же причине не сбылись и надежды пророссийских демократов на некоторые сдвиги в политическом развитии страны благодаря влиянию с Востока. То же самое, и даже в большей степени, можно сказать и о Европе. Разговоры о месте Беларуси в Европе или о перспективах её интеграции в Евросоюз будут бессмысленны, если мы представляем её иначе, чем остальные европейцы (также как если представления других о нас не совпадут с тем, как мыслим себя мы сами). Вопрос здесь не только в нашем знании или незнании других (хотя тут приходится с горечью вспоминать о чрезвычайно низкой интенсивности наших политических, интеллектуальных и даже человеческих контактов с окружающим миром; это больше касается Европы, но не только её). Другая сторона, так же как и мы, – это не какая-то затвердевшая конструкция, она также в процессе переделки, переопределения самой себя,

она тоже может быть растеряна и дезориентирована. Причём если наши собственные представления о самих себе могут стать поводом и даже толчком к определённой социальной инженерии, переделыванию действительности под идею (из этого в основном и состоит реализация национального проекта), то переделать других значительно труднее либо вообще невозможно. Можно разве что изменить восприятие самих себя в большем мире, том, частью которого мы себя представляем или стремимся стать.

Формулирование национальной идентичности и решение вопросов цивилизационного выбора – это прежде всего задача национальных и культурных элит. «Живое творчество масс» при этом не отрицается, но понятно, что обозначить и достичь очевидных моральных и интеллектуальных прорывов способны немногие. Можно сказать и так: кто в состоянии их осуществить, тот и становится настоящей национальной элитой.

Элита, таким образом, – это не те, кто говорит больше других. Элита – это те, кого больше других слушают. По этому критерию современную белорусскую элиту можно было бы ограничить Александром Лукашенко и дикторами государственного телевидения, да ещё теми, кто пишет и редактирует их тексты. В данном издании, однако, представлены мнения и видения политической, культурной и интеллектуальной среды. Это среда людей, которые в нормальных условиях по своему статусу, по своим достижениям обязаны быть элитой. В основном тут представлены взгляды «контрэлиты» – той среды, которая противостоит политическому доминированию и идеологическим дискурсам, предлагаемым сегодня существующим политическим режимом. Представители «официоза» – деятели по-своему яркие и безусловно известные публике именно благодаря своему отношению к вопросам, поднимаемым авторами книги. Представительство «иной» Беларуси довольно широкое – от политических до культурных деятелей, от журналистов до экономистов, от писателей до правозащитников.

Иными словами, по составу респондентов можно сказать, что авторам проекта удалось собрать среду, которая должна стремиться дать обществу содержательные и понятные ответы на вопросы, о которых упоминалось выше; предложить не только видение самих себя, но и видение будущего. Видение, устанавливающее

в определённой степени моральный код общества, легитимирующее либо отрицающее те или иные политические или культурные практики. Настоящая элита не может и не должна это видение навязывать. Скорее она должна продумать и сконструировать способы, через использование которых это видение было бы принято. Это и отличает её от режима, хунты или вертикали. Но если в погоне за признанием она будет просто воспроизводить стереотипы массового сознания, то её уже трудно будет отличить от массы. В этом и скрывается хитрая черта между прагматизмом и интеллектуальной трусостью.

Было бы неуместным ждать формулирования национального проекта в одной книге. Даже без этого она представляет большую ценность как индикатор готовности или неготовности белорусских элит (здесь мы прежде всего, конечно, говорим о контрэлите) давать ответы. Анализ высказываний может приобрести форму полемики, потому что у автора этих строк тоже есть мнения, которые могут не совпадать с теми, что высказали респонденты. Я ни в коей мере не хочу, чтобы мои мысли воспринимались как критика. Вместо этого, заострив внимание на нескольких наиболее актуальных, с моей точки зрения, вопросах, вокруг которых, очевидно, не существует консенсуса ни внутри общества, ни среди элит, я попробую определить, где мы находимся на сегодняшний день в нашей рефлексии и в наших устремлениях, и стремимся ли мы вообще, как когда-то сказал Владимир Мацкевич, «думать Беларусь» и, добавлю, окружающий мир.

Кто мы есть?

Как мы думаем самих себя? Кто мы есть, или же, в другой постановке вопроса, кем нам быть? Ответы на эти вопросы мы получили самые разные. Мнения респондентов скорее подтверждают, что становление белорусского самосознания только свершается. Многие в своих ответах (Калинкина, Литвина, Бугрова, Вардамацкий) об этом и говорят. При этом скорее идёт процесс осознания различия от других, чем определения того, что объединяет белорусов внутри самих себя, своего мира, своего социума. По мнению Ирины Бугровой, процессу самоидентификации способствует прежде всего дистанция от других

государств и народов (насчёт подобной негативной самоидентификации также высказывается, в ином контексте, Кася Камоцкая). Однако внешняя дистанция не снимает вопроса о внутреннем состоянии, консолидации, чувстве родства и единства. Как отметила, немного растерянно, Кася Камоцкая, «может быть, извне другие народы сказали бы, что для них значит белорус, но для себя белорус... Мне кажется, что процесс ещё идёт».

Так в какую же сторону идёт процесс? Лишь несколько респондентов (Дынько, Вячорка, Буравкин, в определённой степени Санников) подчеркивают существенность национального языка и культуры. Интересно, что наиболее ёмко и смело этот тезис сформулировал представитель официоза Евгений Бабосов (тот самый, который безуспешно пытался втиснуть «белорусскость» в фундамент лукашенковской идеологии): «Белорусская идентичность как раз и есть беларуская нацыянальная мова». Очень немногие (кроме, как ни странно, представителей правящей элиты) ссылаются на коллективную память, исторический путь белорусов (правда, в трактовке Всеволода Янчевского главное отличие белорусов – это их «советскость», с чем, кстати, многие могут согласиться). Остальные обходят вопрос либо стремятся доказать, что классического языково-этнического национализма в Беларуси не возникнет: «На мой взгляд, в начале XXI века белорусская идентичность, основанная на принципе этничности (включая его базовые элементы, такие как общность территории, крови, истории и культуры), не то чтобы неадекватна, но не имеет ясной перспективы» (Манаев). Или же в ещё более жёсткой форме: «Если не скатываться на „ура-патриотические“ лозунги, то быть белорусом – значит, чувствовать свою принадлежность к этому пространству» (Абрамова).

Господин Манаев говорит прежде всего о невозможности реализации так называемого «белорусскоязычного национального проекта», или же построения государства и нации на языково-этническом и культурно-историческом основании в версии белорусских националистов (хотя есть большие сомнения относительно того, что такой единый проект на самом деле существует). Однако, отклонив язык и культуру, мы должны тогда ответить на вопрос «что вместо?» либо «что ещё?». В самом деле, отсутствие уникального национального языка у «гражданских наций» ещё не означает того, что они не базируются на общем

культурном коде (и пример Соединённых Штатов Америки, на который у нас любят ссылаться, наилучшее подтверждение этому). Апелляция к гражданству также не снимает полностью проблемы. Пожалуй, каждый может согласиться и подписать под прекрасными словами, которые озвучил Василий Леонов: «Быть белорусом – любить прежде всего белорусов, Беларусь, содействовать процветанию своей земли». Однако любить белорусов и Беларусь можно было и в составе Российской империи, и в Советском Союзе.

В основном в рефлексии относительно национального своеобразия белорусов у потенциальной элиты наблюдается превалирование определённых внешних, психологических (доброта, толерантность) либо поведенческих (склонность к приспособленчеству), факторов. Вот характерные примеры: «Может быть, это и правильно, но если ты человек – существо социальное, то должен и божьими принципами руководствоваться» (Фролов). Или: «Я знал сельский тип белоруса или такой, на окраине города, где фактически жили, как в деревне. Это серъёзный, рачительный хозяин» (Шушкевич). Опять же, эти примеры, как положительные, так и отрицательные, пожалуй, отражают восприятие самих белорусов, представления, распространённые среди нас самих. Сама по себе такая рефлексия, однако, создаёт основания для довольно шаткой мифологизации самих себя. Действительно ли мы такие уж толерантные, как себя рисуем? Если мы рачительны, то по сравнению с кем?

Таким образом, проблема определения того, что делает белорусов культурной нацией, определения, не побоюсь этого сказать, содержания национальной культуры остаётся открытой. Значительная часть потенциальной белорусской элиты (и особенно контрэлиты) пока что описывает белорусскую самоидентификацию преимущественно в негативных терминах, по отношению к «значимым другим», по принципу «мы – не они» (см. выше характерные высказывания Бугровой и Камоцкой). Это нормальная стадия самоидентификации любого сообщества, можно сказать, это та стадия, в которой теперь преимущественно находится белорусское общество в целом. Однако действия – постановка и достижение определённых коллективных целей – возможны только при условии позитивной самоидентификации («мы – это...»). Просто идентифицировать себя с «пространством» (по словам Ольги Абрамовой) явно недостаточно, потому

что такая идентификация не решает вопроса легитимации этого пространства. Легитимировать его может только сообщество, которое на нём проживает.

Вопрос культурного определения нации вновь, таким образом, встаёт, и нам от него никуда не деться. Это не значит, что я заранее отдаю предпочтение тому или иному проекту. Но если мы, например, останавливаемся на двуязычии, то надо сформулировать, что это двуязычие означает (в практике сегодняшних властей, очевидно, двуязычие просто прикрывает русификацию) и как мы интерпретируем и установим двуязычие именно в качестве национально-культурной особенности. Вопрос в том, что не решить этого и других вопросов означает оставить почву для «идентификации широких слоёв людей с этим необычным политическим режимом» (Дынько) – и для его (режима) конструирования этого культурного кода, чем он сейчас относительно успешно занимается.

Где мы?

Насчёт славянской общности содержательно высказались лишь некоторые респонденты (что в какой-то степени отражает эфемерность самой концепции), о России вопрос стоял только в плане политики, поэтому поговорим о нашем видении Европы. Европу белорусам можно пока что лишь представлять. Находясь в ней по крайней мере географически, мы имеем на это полное право. Так же как и другие европейцы имеют полное право считать нас частью своей общности и культуры либо нет. Общих правил в определении культурных, цивилизационных границ Европы, пожалуй, нет. Есть более-менее общепринятые географические границы (несмотря на это, Европейский Союз в своих официальных документах, посвящённых программе «нового соседства», заявляет, что вопрос о дальнейшем расширении ЕС может быть решён только после определения «окончательных границ Европы»). Есть европейские институты, членами которых мы либо являемся (ОБСЕ), либо нет (Совет Европы и ЕС). Принадлежность к большинству этих институтов (очевидное исключение – Евросоюз) только формально устанавливает принадлежность к европейскому пространству, однако формальности времени от времени играют весьма неожиданную роль. Автор этих строк как-то заявил брюссельской публике, что белорусов невоз-

можно лишить европейской идентичности (или мечты), пока Беларусь является членом УЕФА. Брюссельская публика реагировала очень живо!

Европа – это не нация (что бы там ни говорили Хабермас или Дерида, конструируя «европейскую идентичность» на противопоставлении американству), и определить, что делает нас европеями (если мы вообще хотим это определить), невозможно, не установив, что делает нас нацией. Конечно, можно попробовать просто договориться, что, скажем, с первого октября такого-то года мы будем в одностороннем порядке принимать все «талмыды» европейского права в качестве национального законодательства. Однако, столкнувшись с первым же проявлением идиотизма европейской бюрократии (скажем, чтобы клубника была именно такой длины, а для того чтобы заменить лампочку на высоком потолке, надо ставить строительные леса стоимостью в несколько тысяч долларов), мы неизбежно зададимся вопросом, почему это надо именно нам и кто мы есть, чтобы нам это было надо? Поэтому общее может быть понято только в частном, и прав господин Вячорка, когда говорит, что «европейская идентичность проявляется только в идентичностях национальных». (Скажем, Френк Фукуяма показывает в одной из своих последних статей, что именно размывание национальной идентичности в странах «старого» ЕС приводит к определённой эрозии, казалось бы, устоявшихся цивилизационных ценностей европейцев; в свою очередь это приводит к особым социальным проблемам и кризисам, наиболее очевидной из которых является проблема интеграции этнических и религиозных меньшинств: аборигены «старой» Европы всё менее и менее в состоянии сформулировать и, следовательно, предъявить остальным то, что характеризует данное сообщество, что является его культурным кодом, «гражданской религией» и во что и как, в конце концов, иммигранту из Марокко или Сенегала надо интегрироваться.)

Представление нашей потенциальной элиты (прежде всего – контэрэлиты) о Европе в первую очередь основано на признании факта существования европейской цивилизации и на восприятии так называемых европейских ценностей («христианство, рационализм, диалог» – Данейко; «тип цивилизации, которая в значительной степени навязала себя всему миру» – Шушкевич; «понятие демократии и понятие цивилизации, которая, как я считаю, подходит

для Беларуси» – Буравкин; «Европа – это мир мудрой взаимной терпимости» – Вардамацкий). Очевидны также тенденции к идеализации Европы («Европа – это также и место, где была сформулирована и где реализуется новая система человеческих ценностей. Это место, где живут так, как мне бы хотелось жить» – Протко; «это и образец во многих отраслях общественной, государственной, экономической жизни» – Калякин; «это общие культурные ценности, это общечеловековедческие ценности» – Абрамова), которые, правда, не всегда разделяются представителями «правящей элиты» («Европа уже не раз накликала на многочисленные народы беду, войны и кровь. Посмотрите, кто только за всю историю ни шёл на наши земли!» – Костян). Есть попытки определить её как «не-Америку» («Если сравнивать США и Европу, Европа более демократична, более близка нам, и все проявления демократии гораздо мягче, чем в тех же Соединенных Штатах, которые сейчас усиленно пытаются помочь даже тем, кто не хочет стать демократической страной» – Фролов) и даже «не-Беларусь» («Но лично для меня в первую очередь это общество, в котором отсутствует бешеное, неразумное, аморальное пропагандистское оболванивание населения и общественного сознания» – Литвина).

Размышляя на тему принадлежности Беларуси к Европе, наша потенциальная элита, за исключением нескольких поклонников «географической» концепции Европы (Улахович, Кебич), считающих, что Беларусь Европой была, есть и будет, также мыслит в категориях ценностной или цивилизационной гармонии. Среди этой группы лишь небольшая часть готова рассмотреть в белорусском обществе расположение к европейским цивилизационным ценностям («это христианская страна, строящая свое поведение на основе рационализма и склонная к диалогу» – Данейко); остальные подчеркивают, что до них еще надо, что называется, «дорасти» («Идеи о том, каким должно быть это пространство, европейские идеи сформулированы небольшой частью интеллигенции, но они не прочувствованы до конца народом» – Алексиевич; «Я думаю, что это просто историческое недоразумение и с течением времени (через десять, пять или пятьдесят лет) всё встанет на свои места» – Калинкина) или к ним «вернуться» («Сегодня мы – европейская аномалия», но «Беларусь никуда не денется с карты Европы. Беларусь в Европе – это традиция, это история» – Милинкевич), либо приходят к выводу, что Европа,

говоря словами одного белорусского политика, – это «не наше» («На мой взгляд, как раз на границе Беларуси, России проходит такой цивилизационный разлом, который связан с ментальностью в России, Беларуси и той, другой части Европы, у которой ментальность совершенно другая» – Фролов).

Определить свою принадлежность к тому или иному сообществу – это прежде всего вопрос выбора («Вы когда-нибудь слышали, чтобы белорус сказал: „Я европеец“? Очень редко. А от других народов можно это слышать, они говорят: „Мы европейцы, и потому...“» – Бугрова). Коллективный выбор всегда возникает из совокупности выборов индивидуальных. Возможно, и белорусам пока что суждено двигаться к европейской цивилизации в индивидуальном порядке, что, кстати, не является чем-то необычным. По меткому определению известного социального философа Тимоти Гертона Эша, демократические диссиденты Польши, Венгрии или Чехословакии советских времён имели, вследствие их острого ощущения и интернализации декларируемых ценностей «западного мира», больше оснований считаться индивидуальными членами европейского сообщества, чем иные страны – коллективными. Поэтому сетования госпожи Абрамовой, что контакты Беларуси с ЕС «приватизированы» частью политической оппозиции, как минимум неуместны. Это естественно, что общий язык находят прежде всего схожие духом и ценностями, и иначе быть вряд ли может.

То же самое относится и к другой стороне, которая должна нас признать частью своего сообщества. Другие европейцы тоже должны решить для себя, являемся ли мы тут «своими» и, как говорит Винцук Вячорка, «неэкзотикой». Однако здесь проблема даже шире, чем то, сможем ли мы убедить французов, поляков или киприотов в том, что мы «неэкзотика». Сами понятия европейских ценностей, европейской идентичности и вообще Европы не являются чем-то статичным. Бесконечные и часто напрасные поиски собственной идентичности, демографический кризис и экономический застой, патологический страх «старой» Европы перед польскими водопроводчиками, разорённые пригороды Парижа, «карикатурные скандалы», убийства политиков и журналистов в Нидерландах, политкорректность, заставляющая не называть имя женщины, которая собиралась использовать собственного ребёнка в качестве бомбы,

– это тоже Европа. Ведь и нас могут признать или не признать «своими» только целиком, со всеми нашими проблемами и несуразицами, нашей «покладистостью» и «толерантностью» и Чернобылем...

Надо сказать, что европейская интеграция – это процесс в своей идеологии очень консервативный. Присоединение к ЕС новых стран неизбежно оживляло определённый дискурс, базирующийся на таких понятиях, как свобода, демократия, права человека, рыночная экономика, толерантность, равенство, наконец оживляло само понимание европейской цивилизации как цивилизации свободного мира. Это возвращало, по крайней мере интеллектуально, всю остальную Европу к своим первоначальным идеям, назад от всяческих «пост-» и «анти-» концепций (постмодернизма, постхристианства, постнационализма, антиамериканизма, антиглобализма и т.д.), которые стремительно охватывают сознание тех, кто «думает Европу» в самой Европе. Поэтому, должно быть, главное, что может привнести Беларусь в Европу, – это не свой добродушный характер, трудолюбивое население, стабильность или даже человеческий потенциал и культуру (что может с таким же успехом предложить, скажем, и Россия), а именно тот импульс к переосмыслению и воспроизведству этих ценностей – если мы, конечно, сумеем дать такой импульс.

Но каждый виток этой интеграции ослабляет актуальность концептуализации Европы как «цивилизации свободы», и призрак потенциального врага, которым в своё время был Восток или советский коммунизм, постепенно слабеет, а потому каждому, кто опаздывает на уходящий поезд, оживить вновь этот романтизм отцов-основателей и героику 1989 года становится всё труднее и труднее. На самом деле то, что Беларусь – это последний кусок ушедшего в не-бытие «Востока» (Россия – это всё-таки отдельный вопрос), совсем не означает, как бы того ни хотел Вячеслав Кебич, что остальная «Европа» только и думает о том, чтобы добавить к своей мозаике этот отсутствующий кусок.

Присоединение к чему-то, достижение определённого культурного и цивилизационного единства – это не торг и не «предпродажная подготовка». Естественно, мы «предлагаем» (если предлагаем) себя такими, какие мы есть, – со всеми нашими особенностями, недостатками и привлекательными чертами, реальными или воображаемыми.

Что мы выбираем?

Если действительно можно определить «белорусский национальный характер», то, видимо, одна из бесспорных его черт – это стремление избежать жёсткого выбора, боязнь исторических и политических Рубиконов. Кто-то из опрошенных видит именно это спасением для Беларуси «Наш интерес – это отказ от окончательного цивилизационного выбора. И это – тоже выбор. По крайней мере, не надо с ним спешить. Пусть мировая политика станет более определенной» – Абрамова), хотя некоторые не согласны, что такая боязнь действительно существует («Кроме явного, осознаваемого нами знания есть неявные представления о реальности, которые актуализируются в моменты выбора. Поскольку у белорусов ещё не было выбора, они ещё не стояли перед этой проблемой, то до сих пор это представление не актуализировано. Но мое ощущение такое, что выбор в Беларуси сделан однозначно большинством населения, абсолютным большинством. И totally – Данейко»).

И всё-таки отношение к проблеме большинства элиты опять-таки напоминает то, что делается в головах и душах «неэлит». Не все признают саму актуальность выбора («Думаю, сейчас неправильно ставить вопрос в терминах „или – или“. Сейчас было бы адекватно ставить вопрос в терминах „и – и“. Адекватно с точки зрения национального характера, ментальности, экономической ситуации, нашего геополитического положения» – Вардамацкий). Некоторые надеются на то, что выбор, вследствие изменения внешних факторов, отпадёт сам по себе («Дело в том, что Евросоюз имеет тенденцию развиваться. И если Россия вступит в Евросоюз, то и Беларусь рано или поздно туда вступит. Куда ж она денется? Если Украина будет, допустим, и Россия, и Литва, и Латвия, и Эстония, и Польша, куда Беларусь денется? Никуда не денется, она будет частью Евросоюза» – Бабосов; «Понятно, что если мы будем рассматривать идеальные схемы, то место Беларуси – в Европе и Евросоюзе. Но я думаю, что это возможно только в том случае, если и Россия вступит в Евросоюз» – Калинкина). И лишь некоторые готовы чётко определиться в ту («Нужно что-то выбирать! Я, в общем, сторонник того, чтобы мы были в достаточно тесном союзе с Россией. Безусловно, чтобы и Россия несколько другая была» – Фролов) либо иную

(«Я уверен, что Беларусь должна быть только в объединённой Европе, в Евросоюзе» – Санников) сторону.

Вопрос выбора респонденты понимают по-разному. Одни – больше в смысле «с кем интегрироваться» (налаживать экономические и политические взаимоотношения), другие – как приблизить Беларусь к той или иной общности внутри самой себя. Между этими двумя аспектами существует определённая взаимосвязь, но она неполная. Цивилизационный выбор – это не выбор соседей (их, по крайней мере с 1945 года, не выбирают) или экономических партнёров: географию не обманешь, поэтому нефте- и газопроводы, а также другие транспортные коммуникации бегут из России в ЕС именно через Беларусь. Экономическая интеграция «и с Россией, и с Европой» тоже вполне возможна, да мы её и теперь имеем (что с горечью отметила Кася Камоцкая, которая определила политику России по отношению к Беларуси как однозначную поддержку диктатуры «при помощи газа и нефти» и добавила, что политика Европы – это тоже «поддержка диктатуры. Они покупают у нас нефть и радостно повизгивают!»). Таким образом, существование «и с Россией, и с Европой» в некотором смысле возможно (к сожалению некоторых белорусских политиков и интеллектуалов, такое существование может нести не только решение политических и цивилизационных вопросов, но и проблемы, способствовать укреплению авторитарного президентского абсолютизма). Однако совмещение «Европы» и «России» в политических институтах, в гражданской культуре, в отношении к гражданским правам и свободам, во всём том, что и определяет цивилизационный выбор, менее вероятно. Такое совмещение возможно лишь временно: оно приводит к возникновению нестабильной гибридной формы, которая рано или поздно оказывается в состоянии внутреннего кризиса и в конце концов вынуждена трансформироваться во что-то более чёткое (примеры наших соседей, России и Украины, это подтверждают). Финляндизация, о которой говорит Андрей Дынько, – это не совсем то же самое. Финляндия в советские времена была ограничена в определении своих военно-политических и частично экономических отношений, но внутренне она полностью принадлежала к западному, европейскому миру. Также вызывает некоторые сомнения высказывание Олега Манаева о том, что прежде всего надо решить

вопрос о власти (подыгрывая, если можно так сказать, избирателю) и лишь потом решать вопрос выбора. Подобный выбор на самом деле скорее является не последствием, а фактором политической борьбы, его актуализация как раз и имеет тот мобилизационный и легитимационный потенциал, который предрешает результаты политических баталий и трансформаций. Предложение, не находящее спроса, безусловно осуждено на поражение. Но его отсутствие ещё более определённо программирует на поражение тех, кто избегает его сформулировать и продвигать.

Возможно, это нахождение «между двумя мирами» – естественная ступень в политическом развитии и в процессе нациостроительства, через которую Беларусь суждено пройти. Однако у меня есть серьёзное основание сомневаться, что это будет именно так. Существование на цивилизационном разломе было возможно тогда, когда по обе стороны бывшей советской границы ещё сохранялись представления (оказавшиеся в конце концов иллюзорными) относительно возможности некоего более широкого сообщества – скажем так, «Европа + Россия» (а по определению и всё то, что между ними), когда эти две стороны сами ещё не до конца определились в направлениях собственного развития. Этот процесс определения и оформления – политического, институционального, культурного – идёт теперь стремительно. Мир меняется, и если мы не меняемся вместе с ним, то вероятность того, что мы останемся с тем, что имеем сейчас, повышается с каждым годом.

* * *

Очевидно, что белорусская элита, и прежде всего контрэлита, в большей степени лишь начинает искать ответы на вопросы, кем и где быть Беларуси и белорусам. Пока мы очень часто сталкиваемся скорее с репродукцией некоторых элементов массового сознания, чем, собственно говоря, с ответами или поисками ответов. Пожалуй, это лучше всего отражает неуместность разговоров о существовании «национальных проектов» (белорусскоязычного, русскоязычного или иных), о чём время от времени говорят аналитики и политики. Нам только предстоит их сформулировать. Как потом прийти

к единому знаменателю – этот вопрос ещё более не определён. А как его или их реализовать – до этого ещё весьма и весьма далеко.

Это в целом естественное отображение состояния, в котором находятся сегодня как белорусское общество вообще, так и интеллектуальная элита в частности. Атомизированность всего общества ведёт и к разорванности элитного поля, отсутствию или почти отсутствию площадок и медиа для дискуссий и диалогов внутри интеллектуального и политического сообщества, не говоря уже об обратной связи между ним и гражданами. Да и, кажется, текущих политических и иных проблем столько, что не время думать о высоком. Но не вырваться из этого замкнутого круга, не инициировать этот диалог, не начать поиск совместных ответов на вопросы – значит просто смириться с тем, что Беларусь в конце концов возникнет как нация, сконструированная по образу и подобию её сегодняшнего вождя. Альтернативы времени, чтобы избежать этого, у белорусских элит и всех нас остаётся очень и очень мало.

Виталь Силицкий – род. в 1972 г. в Минске. Независимый политолог. Магистр Центральноевропейского университета в Будапеште (1994). Доктор Ph.D университета Ратгерса (Нью-Брансвик, штат Нью-Джерси). В октябре 1998 – сентябре 2003 гг. доцент Европейского гуманитарного университета в Минске. Был уволен за публичную критику режима Александра Лукашенко. В 2006 г. – приглашённый исследователь Центра изучения демократии, развития и правового государства (Стэнфордский университет, США). Редактор «Исторического словаря Беларуси» («Historical Dictionary of Belarus», Scarecrow Press), издание которого запланировано на начало 2007 года.